

Речь в данном исследовании будет идти почти исключительно о стихийной «идеологии» верующих, ассоциирующих себя с православием, в России рубежа XIX и XX вв., которая никоим образом не отражает позицию Русской Православной Церкви, выраженную в ее официальных документах или в заявлениях, интервью и докладах Патриарха или других иерархов. Источниками для такой работы могут служить материалы церковной или около- и даже псевдо- церковной (в том числе и политической) публицистики, широко распространяющаяся по стране зачастую анонимная «православная» литература, нередко вызывающая неприятие иерархии, в том числе и самого Патриарха, результаты социологических опросов, личные наблюдения автора и других исследователей.

Необходимо иметь в виду, что одной из основных черт церковного сообщества сегодня является преобладание в нем неофитов -- людей, ставших верующими в течение последнего десятилетия и до начала перестройки не имевших к православию и церковной жизни никакого отношения. У наблюдателя может создаться впечатление, что пожилые женщины 60-75 лет, составляющие, как правило, большинство постоянных прихожан каждого, особенно, не городского, а сельского прихода, всегда были верующими. Однако всего лишь 15 лет назад, когда старшим из них было не более 60-ти, они вообще ничего не знали о вере и пришли к ней в тот момент, когда начала изменяться государственная политика в отношении религии.

При этом образцом для поведения они естественно избрали имитацию того стиля, который был присущ поколению их матерей и бабушек, то есть тем людям, что сохранили православие как исповедание и образ жизни в эпоху советской власти. Имитация не только в поведении простых верующих, но и в целом становится одной из ведущих черт религиозного сознания сегодня, при этом за образец берется Россия второй половины XIX века и охранительные тенденции (в широком смысле этого слова, то есть от поздних славянофилов и К. Леонтьева до К.П. Победоносцева и Черной сотни), присущие в ту эпоху церковному сознанию. Именно идеализация прошлого (не эпохи апостолов и проповеди Евангелия или времени великих святых типа Сергия Радонежского, но XIX и начала XX века!) привела к тому, что вопрос о канонизации Николая II и членов его семьи, убитых в 1918 году, стал в середине 90-х гг. стал главным для значительной части верующих и тех, кто отождествил с православием свои политические взгляды и мировоззрение в целом. Отсюда и мнение, согласно которому православие неотделимо от монархического образа правления, опять-таки заимствованное у представителей охранительной тенденции второй половины XIX века.

На этом фоне остро встает вопрос о самоидентификации православного сознания. В сущности совсем не укорененное в богослужебной, молитвенной и вообще мистической жизни восточного христианства религиозное сообщество начинает самоидентифицироваться, не углубляя свое видение православия, но противопоставляя (что всегда легче!) себя христианам других традиций, католикам и протестантам, представляющим к тому же не российскую, Западную, а в коммунистической парадигме (которая несмотря на отказ от коммунистической идеологии продолжает «работать» в сознании большинства россиян) «буржуазную, враждебную и противоположную нашей» цивилизацию. Православное сознание быстро становится ксенофобным, закрытым и в высшей степени не толерантным по отношению как к инаковерующим, так и к Западу в целом. Образ врага, характерный для советского сознания становится одним из краеугольных камней той стихийной идеологии, что складывается в середине 90-х гг. в православном сообществе.

Одновременно с этим начинают усиливаться и охранительные тенденции в плане сохранения ритуала, церковных, а зачастую и просто народных, в том числе, и языческих обычаев (один из идеологов новой русской идеи О.Платонов говорит даже о плодотворном синтезе русского православия и славянского язычества), а также богослужебного славянского языка. На первый план выдвигается идея верности традициям прошлого, однако опять-таки достаточно недалекого: в плане ритуала и языка, главным образом, XVII века, а в смысле обыденного благочестия, обычаев и быта – XIX-го. Православие начинает восприниматься именно как **русское** православие, а славянский язык как непременное условия исповедания.

Характерный и для охранительной тенденции XIX века антисемитизм накладывается на неприятие современного «западничества», которое в духе «антисионистской» литературы 60-х – 80-х гг. (Иванова, Евсеева, Бегуна и проч.) отождествляется с еврейским влиянием. В целом происходит следующее. Отрицая на словах коммунистическую идеологию, «околоправославное» сознание берет на вооружение большинство из идеологических мифологем брежневской эпохи и при этом противопоставляет «плохим» (закрывавшим церкви) Ленину и Хрущеву «хорошего» Сталина, открывшего в конце войны церкви и начавшего борьбу с космополитизмом, вернувшего стране патриотические ценности и так далее.

Так складывается «новая русская идея», зафиксированная в публикациях таких газет как «Завтра», «День», «Русский вестник» и в той или иной степени просматривающаяся в околоцерковной литературе, а нередко и в произносимых с амвона проповедях священнослужителей, многие из которых также осознали себя верующими и пришли в православие в течение последних 15 лет. Церковь (ни в коей мере не в иерархическом смысле этого слова, но только в смысле церковного сообщества – community) еще 15-20 лет назад

состоявшая из старушек 1880-1890-х гг. рождения и небольшого круга московских интеллектуалов типа великой пианистки М.В.Юдиной и студентов (к числу последних относит себя и автор настоящей работы), из которых более всего известен С.С.Аверинцев, за последнее десятилетие изменилась до неузнаваемости. Влившиеся в нее «новые силы» привнесли в нее наиболее агрессивные элементы советского сознания, хорошо наложившиеся на охранительное мировоззрение рубежа XIX и XX вв. Возможно это стало исключительно благодаря практически полной неосведомленности новых верующих о сущности православной веры.

В силу этого последнего обстоятельства есть надежда, что со временем эта болезнь роста будет преодолена. Последнее утверждение подкрепляется и тем, что за последние 2-3 года описанные выше тенденции стали несколько слабее. Мучительное, медленное и непоследовательное формирование гражданского общества в России все же приводит к тому, что изоляционистское мировоззрение уступает место тому укорененному в Новом Завете видению жизни, которое противоположно всякой ксенофобии и любому чувству эксклюзивности.